

ДЕТЯМ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ЗЕМЛИ
ПОГИБШИМ ОТ РУК НЕМЕЦКО-
ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОИНЫ. 1941–1945.

“Кровь Блокады”

Вырица

Мельн.

Посвящается узникам
детского трудового
концентрационного лагеря
пос. Вырица
1942-1943 гг.



Кровь Блокады

“Детям Ленинградской земли, погибшим от рук немецко-фашистских захватчиков в Великую Отечественную войну 1941-1945 гг.”. Эти слова - посвящение на гранитной, с проступающими из камня детскими личиками стеле у кладбища живописного поселка Вырица Ленобласти.

В оккупационный период на территории посёлка был детский концентрационный лагерь. В сентябре 1942 года на базе дома отдыха Ленинградской швейной фабрики им. Володарского во время оккупации гитлеровцы организовали в Вырице лагерь принудительного труда для советских детей, куда из разных населенных пунктов Ленинградской области были свезены дети, потерявшие родителей. На берегу реки Оредеж в двухэтажном особняке разместилось более 200 детей в возрасте от 3-х до 13-14 лет. Незаметный лагерь тайно просуществовал с лета 1942 до конца 1943 года. Малолетних узников фашисты заставляли зимой работать на переборке картофеля и овощей, а летом в парниках. Рабочий день доходил до 12 часов, питание было отвратительным. Дети теряли силы и умирали. Хоронили их на территории лагеря. От более здоровых детей фашисты брали кровь для своих раненых офицеров.

Об этом лагере мало кто знал. А выплыла правда после постройки гидростанции на реке Оредеж, когда поднявшаяся высоко вода стала подмывать берег, и местные ребята время от времени находили останки - хрупкие косточки - умерших в лагере детей. Этим фактом заинтересовался директор школы №2 Борис Васильевич Тетюев, с 1960 года он вместе с учениками стал изучать историю поселка: переписывались и встречались с людьми, знавшими о существовании в Вырице детского концлагеря.

Выяснили, что Вырицу в 1944 году освобождала 72 дивизия; нашелся и разведчик этой дивизии - Петрук, который рассказал, как был обнаружен лагерь, в котором находилось еще 50 живых детей, но больных, изможденных трудом, голодом и побоями. Детей свозили сюда из Шлиссельбурга, Мги и дачных поселков Ленобласти, причем старались брать детей-сирот и детей из многодетных семей... По собранным данным, здесь умерло более 2000 мальчиков и девочек, останки которых в 1964 году были захоронены около поселкового кладбища. Вырицкие школьники решили поставить погибшим детям памятник. Чтобы заработать необходимые на это деньги, они трудились на уборке урожая в совхозе, на мебельном комбинате, собрали 17 вагонов металлолома. В 1985 году памятник был установлен.

...Тогда, в годы войны, кругом, как и теперь, были лес, сосны, река... Только сейчас, после строительства плотины, река Оредеж стала очень широкой в

этом месте, ее уже не перейдешь вброд как встарь. Река изменила облик этого уголка Вырицы, как будто не было войны, не было детского “приюта”. Многие пережили в те годы юные невольники, да и попали они сюда из огня боев в самых ответственных для битвы за Ленинград районах, из фронтовой полосы. Лагерь был обнесен колючей проволокой, за побег полагался расстрел. А им всем хотелось к маме - да разве могло быть иначе, и еще... им все время хотелось есть. Дети пытались убежать из лагеря по раскачивающемуся мостику из досок, что был переброшен через узкую тогда речку. Но бегать боялись - с высокого берега могли заметить надзиратели. А потому некоторые отчаянные мальчишки перебирались через реку, прыгая с камня на камень. Самые слабые и маленькие, частенько увлеченные водоворотами в этой части реки, тонули. Падали они и с мостика. Немногих удавалось вытащить и откачать. Поскольку убегали дети постоянно, немцы устраивали облавы, находили беглецов, плетью отгоняли их от матерей. Потом - карцер-подвал, где было темно, сыро и бегали крысы. Наказывали всех, даже шестилетних малышей. Карали и за унесенную с работы на поле картофелину... Смертность в лагере была огромной — это видно и по меняющемуся ежедневно числу детей: в отчётах их значится то 50, то 42...

По воспоминаниям детей из лагеря, на территории стояло характерное немецкое здание, двухэтажный главный корпус, в нем был подвал, где во время военных действий был устроен карцер-бункер. Слева от каменного здания находился деревянный жилой корпус обслуживающего персонала, справа от главного корпуса сохранилось небольшое здание кухни, за которой, ближе к реке, стоял дом для приближенных коменданта лагеря. Прямо у въезда справа сохранилось здание лазарета, перед ним некогда был «барак» для грудничков и большой барак для старших детей. Лагерь был отделен от леса забором с колючей проволокой внизу. Справа от входа располагалось лагерное кладбище, а за ним тянулось поле.

Рассказ О. Г. Васьковой, жившей в этом лагере со своими детьми: она вспоминает, что в 1941 году немцы организовали приют для детей, потерявших своих родителей. «В нашей семье было шестеро детей, и когда в наш район пришли немцы, то нас отвезли в Вырицу. Всего в детском лагере собралось 300 детей. Главным в детском лагере был комендант. Детей кормили баландой, прокисшим супом, а иногда готовили пищу из мясных отходов. Летом старшие дети ходили со взрослыми в лес. Но все равно дети хотели есть. Некоторые копали картофель на участках, принадлежавших немцам. За это детей наказывали, сажали в карцер, били, а иногда и убивали. Дети болели, лекарств не хватало. Лекарь доставал их понемногу. Говорил, что ему их давали партизаны. Одежду и постельное белье немцы не выдавали детям. Поэтому приходилось просить у жителей. Дети слабели от недоеда-

ния, были постоянно грязными. Скоро в лагере начался тиф. Немцы очень боялись тифа. Комендант сказал, что если заболеет 50% детей, то они сожгут их. Мы скрывали количество заболевших».

И при всём при том немцы ещё хотели, чтобы дети пели для них: под Рождество все разучивали праздничную песенку на немецком языке «О, Танненбаум!..», а за работой нужно было петь «Катюшу». И дети пели её, но переиначивали слова: «Это наша русская Катюша немчуре поёт за упокой!.. Очень опасно было такое петь: как бы не услышал кто из русских надзирателей. Один раз ребят чуть было не расстреляли за это. У детей было принято шептать немцам в спину: «Ничего, у меня брат (или отец) на фронте, он за меня отомстит!» - рассказывает Серафима Ивановна Дмитриева.

В конце 1943 года немцы заспешили: нужно было убираться из Вырицы, чтобы не очутиться в «котле». С собой забирали всё ценное, всё ненужное бросали. В лагере ценными посчитали тех детей, что постарше и поздоровей: их вместе с матерями (у кого они были) погнали в Германию; остальных — тех, что помладше и послабей, перевели в новое здание — «детский дом» на углу Коммунальной и Кирова... Зимой Вырицу освободили; первой в посёлок вошла группа разведчиков. Разведчики и обнаружили этот новый «детдом», где в подвале прятались человек тридцать детей — совсем маленьких, едва живых от голода, от болезней, от страха. Их вымыли, накормили — и отправили в настоящий детдом, Шлиссельбургский.

Бывшая узница Г. Левченко вспоминает: «Всех, кому исполнилось 10 лет, гоняли на работу на поля, в лес, в овощехранилище на территории бывшего совхоза им. Володарского. Кормили нас похлебкой из турнепса. Иногда приходил врач, делал нам уколы с неизвестной целью. Грудные дети, в основном, умирали, особенно те, которые были без родителей».

Памятник детям в Вырице долгое время был единственным в России и напоминает не только о детях-узниках минувшей войны, но и о тех, кто им помогал выжить. Через реку, почти напротив лагеря, стоит в Вырице с 1914 года храм во имя Казанской иконы Божией Матери. Уцелевшие лагерные дети помнят о молитвеннике иеросхимонахе Серафиме Вырицком и дают немало свидетельств молитвенного служения старца в годы войны. «Это был замечательный человек. В войну он уже лежал, а последние шесть лет почти не вставал. А сколько он сделал всем добра: успокаивал матерей, помогал детям. «Победа будет за нами», - часто повторял батюшка. «Для каждого он находил утешительное слово, а плохого старался не говорить, чтобы не огорчить, - рассказывает бывшая узница Н. Зеленина. - Он лежал на своей кровати в маленькой келье. Наша бабушка училась в епархиальном училище и пела в церковном хоре. Она положила на музыку стихи

батюшки “Пройдет гроза над нашей землей...”, а мы ему их пропели. Он улыбался, видно было, что остался доволен и пением, и нашим приходом. Не было у него других радостей, ведь он лежал все время и молился. Жил скромно. Ел мало, все время постился. Если ему что приносили в то голодное время, чтобы его поддержать, тут же отдавал нам, детям, или другим людям. Мы были у него несколько раз. Рассказывал он нам и о своей жизни, о поездках за границу, о встречах с людьми. Это было открытие мира, ведь мы, дети, ничего и ни о чем не знали. Батюшка очень много повидал, знал и, наверно, хотел вернуть детей к мыслям из обычной жизни и старался просветить, помочь”.

Помогал он, видимо, не раз, но в архиве сохранилась лишь небольшая записочка - “акт” приема вещей от 7 июня 1943 года: “Принято от батюшки Серафима: штанишек - 4 штуки, маек - 1, одеяло ватное - 1, матрас детский - 1...” Записка написана химическим карандашом на клочке оберточной бумаги, как оформлялись все документы того военного времени: на обороте немецких листовок, на листках из ученических тетрадок...

Вспоминая старца, узник этого лагеря Виктор Семенов называл его “святой человек, ведь не ел, а молился”. Таким он казался мальчишкам и девчонкам, вселяя в них тогда спокойствие и надежду. Конечно, не все ребята из лагеря смогли побывать у отца Серафима, далеко не всем дано было его увидеть. Не всех отпускали и в церковь. Но по его молитвам спасены были многие.

Вырицкий концлагерь не вошёл в список лагерей, составленный в 1945—1946 гг., — наверно, потому, что по документам он числился «детским домом» и «приютом».

Преподобный Серафим Вырицкий

...В сентябре 1941 года гитлеровские части, наступавшие на Ленинград, заняли станцию Вырица. Оккупационные войска, расквартированные здесь, состояли из румын, которыми командовали немецкие офицеры. Через несколько дней последним донесли, что в поселке есть некий полуживой старик, очень почитаемый русскими, потому что обладает даром ясновидения... Вскоре несколько офицеров в сопровождении переводчика подошли к дому № 24 по Пильному проспекту. Войдя в него, они увидели изможденного старца, полулежавшего на узкой кровати. Обернувшись к переводчику, немецкий капитан спросил; «Скоро ли наши войска пройдут победным маршем по Дворцовой площади? Но не дожидаясь перевода, старец заговорил по-немецки: «Этого никогда не будет»...

Расквартированные в Вырице немецкие офицеры батюшку Серафима побаивались. Самые смелые — отчаялись даже прийти к нему «на совет», надеясь получить благоприятный ответ о будущем Гитлеровской армии. Надежда эта, как им казалось, была «оправдана» тем, что старец был из числа пострадавших от Советов. Однако смелость его ответов была способна обескуражить даже выдавших виды офицеров: было ясно, что он говорит не от себя, это была та самая смелость древних библейских пророков, чье благое слово невозможно было заполучить ни щедротами, ни угрозами, ни лестью. Немощный с виду, он ничуть не боялся вопрошавших, тушевались они — перед Тем, Кто был за ним, Тем, у кого «нет лицепрятия», Кто «не терпит лжи» и «поругаем не бывает». С опущенными головами выходили они от священника, предсказывавшего им поражение в России и то, что Ленинград им не взять никогда.

Молиться за немощных, страдающих, заблудших, живых и усопших, невзирая ни на что, вопреки всему, отмаливать Россию — таков долг истинного монаха. Не искал и не мог искать для себя иного жребия тот, кто еще в юности проникся желанием всю свою жизнь без остатка посвятить служению Богу.

Однако первое, чему Господь научает настоящего подвижника, — послушание, исполнение Его Святой воли. Не сразу получил Василий Николаевич Муравьев, будущий старец Серафим, благословение на монашество.

Родом из крестьян, он был, казалось, самими обстоятельствами жизни более многих сверстников подготовлен к прохождению монашеского пути, требующего особенно на первых степенях и физических сил, и выносливости, и многих практических навыков. Десять лет было Василию, когда

умер его отец, и он остался «за старшего» с больной матерью. Беда научит молиться. Так вышло и у него: не к миру, а из мира, в храм, поближе к Богу стремился он с юности. Но когда встал перед ним вопрос о выборе пути, одним из схимников Александро-Невской Лавры дано было ему благословение: «пройти путь мирской, тернистый, со многими скорбями. Совершить же его перед Богом и совестью», создав благочестивую семью, и лишь спустя годы посвятить оставшиеся лета жизни, по соглашению с супругой, монашескому подвигу.

Избранницей Василия Николаевича стала Ольга Ивановна Найденова — простая, благочестивая, скромная, и тоже подумывавшая прежде о жизни монашеской. Однако и она как Волю Божию приняла ответ на свою молитву от старицы Иверского женского монастыря, схимонахини Пелагеи: жить в миру, выйти замуж и уже спустя годы принять постриг .

Пути Господни — тайна для нас сокрытая. Одних Он призывает еще в молодости, других же для будущего высокого «послушания» готовит среди людей, и научая, и испытывая терпением. Василию Николаевичу годы, проведенные в миру, были даны для приобретения житейской, всесторонней опытности, необходимой пастырю в тех обстоятельствах, которые ожидали Россию.

Трудолюбивый и богобоязненный, Василий Николаевич исполнил Божие повеление, а за усердие получил и успех в начатом деле — торговле, став из бедняков крупнейшим в России поставщиком пушнины. Германия, Австрия, Дания, Франция, Великобритания и даже Нью-Йорк были в списке его «партнеров».

Имея незаурядные способности, Василий Николаевич, тем не менее, не стремился к богатству и мирским почестям. Торговая деятельность была для него не способом умножить капитал, а необходимым средством для оказания помощи Церкви и ближним. Ему только тридцать, а он раздает большую часть своего состояния, делает значительные вклады в монастыри, жертвует миллионные суммы на благоустройство и восстановление храмов, на сиротские приюты и больницы для бедняков! Его любовь к России и народу была поистине безгранична.

По сохранившемуся преданию, за время своих зарубежных поездок, Василий Муравьев успел побывать и на Афоне, и тогда-то, в 33 года, состоялось событие, определившее его дальнейшую судьбу. По возвращении, он пришел за духовным советом к о. Иоанну Кронштадтскому, а тот назвал его по имени и сказал, что Царица Небесная благословила его на служение России.

Принятое уже в зрелые годы монашество стало для него долгожданной наградой. И сколько подарков приготовил для него Господь! Его духовником еще в миру был известный старец Троице-Сергиевой Лавры — Преп. Варнава Гефсиманский, а постриг над ним совершает будущий исповедник и митрополит — Николай (Ярушевич). Знал о. Серафим и множество священников, которым предстоял путь исповедничества в годы гонений на Церковь.

Еще в предреволюционные годы открылся у него дар прозорливости и благодатных исцелений, а через десять лет после октябрьского переворота, в 1927 г., старец принимает схиму с именем Серафим — в честь Преп. Серафима Саровского — и приходит в Александро-Невскую Лавру, где братия избирает его духовником. Перед миром это сулило неизбежные скорби — наступление на Православную Церковь бурлило уже «во всю ширь».

Именно старец Серафим в те годы помогал лаврской братии не потерять присутствие духа, «был для всех всем», соединяя духовное окормление монахов с заботами о хлебе насущном для ближних, помогая и тем, кто нуждались в помощи и приходили в обитель, как на свет свечи из ледяного мрака, царившего вокруг.

Духовно он окреп настолько, что не только отверг предложение покинуть Россию и сохранить свою жизнь для Церкви, но и убедил своего собеседника — будущего Патриарха Алексия (Симанского) отказаться от мысли об эмиграции, открыв уготованное ему поприще будущего служения. А между тем, Лавру ожидало то же, что и сотни других обителей. Одна из ночей стала для братии ночью «гефсиманской молитвы» — все насельники монастыря были арестованы. А дальше были ссылки, этапы, лагеря... Многие приняли мученическую кончину.

Твердо веруя, что «сила не в силе, а сила в любви», по слову одного из своих друзей — митрополита Серафима (Чичагова), старец Серафим разделил участь гонимого с сотнями тысяч православных священников, претерпев аресты, нелепые допросы, ужасы заключения. И на всяком месте, он продолжал свой подвиг — духовника, старца, отогревая людей, поддерживая, ободряя одним своим видом.

В 1933 году, после возвращения из заключения, о. Серафим поселился в Вырице. Господь сохранил его во время испытаний, как светильник для тысяч священников и мирян, приезжавших к нему в место его последнего земного пристанища и неизменно получавших у него помощь и укрепление.

Власти «не оставляли его надолго без внимания», хотя неожиданных «визитеров» он по болезни часто вынужден был принимать лежа. Но случалось и так, что эти «обыски-устрашения» заканчивались самым неожиданным образом. Подозвав однажды к себе одного из чекистов, старец, не переставая молиться, ласково назвал его по имени, и дрогнуло что-то внутри у того от неземной, голубиной доброты и кротости...Завязался разговор, стушевались, смягчились и остальные участники обыска.

Всю жизнь избегавший прижизненных «воздаяний», людям, приходившим к нему со слезами благодарности, старец замечал: «Что я? Преподобного Серафима благодарите — это по его молитвам нисходит к немощам нашим Небесный Врач...», «Это Всеблагая Царица Небесная из беды вас вызволила — по вере вашей да будет вам...»

Во времена испытаний от Бога поставляется избранник, имеющий дерзновение молиться за народ. В 1812 г. в далеком Сарове вымаливал победу русской армии преп. Серафим Саровский, а в 1940-х гг. — одним из таких дерзновенных молитвенников был Преп. Серафим Вырицкий, оставивший нам образец христианского незлобия, всепрощения и крепости в вере...

